

В комнате, не такой уж и большой, стоял густой пар, на столе красовался горячий котел, а вокруг, словно звезды, окружающие луну, были расставлены тарелки с мясом и овощами. Они сидели вдвоем за столом, смотрели передачу и готовили еду в кипящем бульоне.

За окном бушевала метель, а в комнате было тепло, словно весной.

В своих фантазиях господин Сы, одетый в домашний свитер, небрежно откинулся на спинку стула, разительно отличаясь от своего обычного холодного облика, и даже оборачивался, когда видел что-то смешное, чтобы вместе посмеяться и пошутить.

Эту сцену «Конфетка господина Сы» тайком зарисовал в маньхуа, и у Сы Ханьцзюэ никогда не было возможности узнать об этом.

Тан Сяотан сморщил свой маленький носик и фыркнул:

— Все равно не буду есть хого!

— Хорошо, как скажешь, — Сы Ханьцзюэ наклонился, чтобы пристегнуть ему ремень безопасности, ущипнул и потрепал за раскрасневшийся маленький носик Тан Сяотана и тихо спросил. — Так что же ты хочешь?

Носик Тан Сяотана был зажат, и его голос прозвучал гнусаво:

— Хочу хозяина.

Сы Ханьцзюэ фыркнул со смехом:

— Ты перепутал.

Тан Сяотан вызывающе уставился на него, через мгновение смущенно отвел взгляд, фыркнул с напускной гордостью, отвернулся и не смотрел на него.

Сы Ханьцзюэ торжествующе рассмеялся.

Тан Сяотан сердито молчал.

Когда машина проехала половину пути, мягкий голосок юноши слегка задрожал, и он тихо спросил:

— Хозяин хочет с... с конфеткой... э-э-э... этим заняться?

— ... — Сы Ханьцзюэ промолчал.

Мужчина смотрел прямо перед собой, его лицо было спокойным:

— Угу.

— То... тогда сегодня?

Тан Сяотан переплел пальцы, опустил голову, его пылающее лицо скрылось в тени, а голос стал хриплым:

— Сегодня... не знаю почему... особенно... особенно люблю хозяина...

Одна конфетка, застенчивая, сладкая, маленькая мягкая конфетка, которая хочет сама предложить себя.

Горло Сы Ханьцзюэ мгновенно пересохло и запершило.

На мгновение в его сознании, словно иголкой, пронзило то самое видео, где Тан Сяотан только что обнаружил, что может превращаться в человека.

Сочные, нежные губы юноши, тонкая и гибкая талия, высоко поднятые, упругие, как желе, ягодички...

Машина вильнула, Сы Ханьцзюэ ухватился за руль, и холодный пот проступил у него на лбу.

В этой странной и удивительной тайной влюбленности было неясно, кто из них страдал больше.

После долгого молчания Сы Ханьцзюэ сиплым голосом, с силой выдавил сквозь зубы:

— Нельзя.

Сы Ханьцзюэ тяжело вздохнул и смущенно поправил позу:

— Ты еще не готов.

— Конфетка... конфетка готова! — забормотал Тан Сяотан, его упрямый взгляд, наполненный слезами из-за отказа, уставился на Сы Ханьцзюэ. — Разве хозяин не хочет конфетку?

Сы Ханьцзюэ беспомощно произнес:

— Нет...

— Тогда потому, что в сердце хозяина есть кто-то другой? — вдруг выпалил Тан Сяотан.

Эти слова, словно нож, пронзили тайну, скрытую в сердцах обоих.

Дыхание Сы Ханьцзюэ прервалось.

Тан Сяотан, обиженный и рассерженный, пристально смотрел на Сы Ханьцзюэ, ожидая ответа.

Губы Сы Ханьцзюэ плотно сжались.

Тан Сяотан шмыгнул носом, и непослушные слезы покатались по его щекам.

— Если в сердце хозяина есть кто-то другой, не нужно было говорить, что любишь конфетку!

— Хозяин самый плохой! — возмутился юноша. — Я... я больше тебя не люблю!

Машина вильнула и остановилась у обочины.

Тан Сяотан, плача, пытался выйти, но Сы Ханьцзюэ поспешно заблокировал двери.

— Сяотан! — холодным тоном прикрикнул Сы Ханьцзюэ.

Плач Тан Сяотана мгновенно прекратился, и он испуганно рыгнул от слез.

Юноша смотрел на него сквозь туман слез, края глаз порозовели, словно персиковые цветы, он был похож на маленького кролика, у которого отняли морковку, — и сердитого, и жалкого, и милого одновременно.

Сердце Сы Ханьцзюэ тут же растаяло.

Он тяжело вздохнул и долго колебался.

Очень долго, пока нахлынувшие, словно волны, мысли не начали его душить.

Что произойдет, если сейчас все объяснить Тан Сяотану?

Сколько он сможет вспомнить, не станет ли Тан Тан, находящийся в коме, от этого слишком потрясен?

Он так хотел оставаться рядом с ним в образе Тан Сяотана, какие последствия повлечет за собой необдуманное разрушение этой прекрасной иллюзии?

Станет ли эта сказочная и жестокая реальность лучше или хуже?

Бесчисленные вопросы, подобно пузырькам в кипящей воде, всплывали и клубились, застилая взгляд пеленой.

Он уперся языком в щеку, его взгляд был пустынным, словно замерзшая на тысячи ли снежная равнина.

— Будь умницей, — спустя долгое время мужчина с облегчением выдохнул, мягким выражением лица прижал его к груди и тихо стал успокаивать. — Подрости еще немного.

Сы Ханьцзюэ прикусил кончик уха Тан Сяотана и кончиком языка послал в его ушную раковину горячий шепот, окутанный паром:

— Ты только что превратился в человека, вдруг... в самый ответственный момент... снова превратишься в конфетку? Что тогда делать?

Сы Ханьцзюэ тихо рассмеялся, потираясь кончиком носа о нежную кожу Тан Сяотана:

— Станешь конфеткой с жидкой начинкой?

Тан Сяотан широко раскрыл глаза, в его чистых зрачках отразилось лицо Сы Ханьцзюэ, все его лицо выражало недоверие.

Хулиган!

Такой серьезный хозяин начал приставать к конфетке!

Тан Сяотан в раздражении оттолкнул его, кончики ушей покраснели почти до прозрачности, словно тонкие красные нефритовые камни:

— Хозяин самый плохой!

— Я... я с тобой не разговариваю!

Взгляд Сы Ханьцзюэ потемнел:

— Все еще сердишься?

Тан Сяотан:

— Хм.

— Ты один, — сказал Сы Ханьцзюэ. — Все это время был только ты один.

Раскрасневшаяся от флирта маленькая мягкая конфетка вся излучала соблазнительный розовый цвет, щеки ее были алыми, а брови и глаза словно подведены легкой персиковой пудрой. Услышав фразу «все это время был только ты один», Тан Сяотан надул розовато-белые щечки и с напускной гордостью произнес:

— Хм.

Сы Ханьцзюэ потрепал по щечке Тан Сяотана, мягкой, как молочный пудинг, и снова уселся поудобнее.

— Я попросил Сяо Юя забронировать столик в ресторане, — Сы Ханьцзюэ сделал паузу. — Кухня Цзянсу и Чжэцзяна.

Тан Тан был родом из Цзянсу и больше всего любил легкий и сладко-свежий вкус.

У него были скрытые мотивы — он даже больше, чем Тан Сяотан, надеялся, что тот поскорее вспомнит, и чтобы эти кисло-сладкие отношения завершились счастливо.

Он вырос в тяготах и невзгодах, и в его характере неизбежно затаилась крайняя темнота. Он мог бесстрастно мучить противников, играть с теми, кого ненавидел, как пешками, и даже использовал все средства, чтобы уничтожить других ради собственного успеха.

Он никогда не был хорошим человеком.

Но однажды идущий по темному болоту человек внезапно увидел свет.

Он изо всех сил старался вытереть руки, но все равно боялся, что малейшее прикосновение заставит эту полоску света исчезнуть, словно хрупкое отражение в воде.

Всю свою нежность и осторожность он отдал Тан Тану.

Поэтому он не мог сказать об этом Тан Сяотану, не мог спокойно пронзить забывшего все Тан Сяотана вопросом: помнишь ли ты, что должен быть в больнице?

Он мог лишь окольными путями, всеми способами, заставить его ощутить знакомое.

И действительно, услышав это, глаза Тан Сяотана загорелись:

— Кухня Цзянсу и Чжэцзяна? Вкусно?

Сы Ханьцзюэ приподнял бровь и равнодушно произнес:

— Довольно вкусно.

Либо слишком пресно, либо приторно до першения в горле, да и эта сладость отличалась от северной, всегда с легким привкусом.

— Для уроженца столицы, северянина, это сложно назвать вкусным.

Сы Ханьцзюэ не любил эту кухню, но был рад составить компанию Тан Сяотану, чтобы вспомнить знакомые вкусы.

Тан Сяотан, успокоенный, стал похож на надутый розовый шарик, блаженно парил в воздухе, и стоило его ткнуть, как он тут же истекал медом.

В конце концов, хозяин же сказал, что любит только конфетку!

Глаза Тан Сяотана сияли, словно две полные луны, глядя на сосредоточенное и серьезное лицо хозяина за рулем, на кончике его сердца, словно стрекоза, коснувшаяся воды, расходились круги ряби.

Машина плавно тронулась, в потоке света фар Тан Сяотан неожиданно для себя успокоился.

Благодаря чувству безопасности, которое дал Сы Ханьцзюэ, кислое сердечко Тан Сяотана вновь воспряло духом, и он стал серьезно вспоминать того, из-за кого он так ревновал, — «Конфетку господина Сы»: мальчика, который лишь осмеливался прятать свою любовь в глубине сердца, робкого и скромного, но любившего объект своей привязанности с величайшей добротой и нежностью.

Он воплотил свой воображаемый нежный мир в рисунках, трезво осознавая реальность, никому не мешая, сознательно соблюдая наиболее комфортную для любимого человека дистанцию, наблюдая издали, с неглубокой, но искренней привязанностью.

Тан Сяотан с легким чувством вины подумал, что на самом деле это очень милый и добрый человек.

И к тому же, как и он, в его имени скрыта сладкая конфетка.

Спасибо всем, кто голосовал за меня или орошал меня питательной жидкостью, ангелочки, в период с 2020-12-09 17:12:51 по 2020-12-12 01:34:55!

Спасибо бросившему гранату ангелочку: Тимошенко — 1 штука.

Спасибо орошавшим питательной жидкостью ангелочкам: Тяньнаньсин — 47 бутылок; Юаньюаньбюань — 20 бутылок.

Огромное спасибо всем за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/15589/1395496>